

УДК 165.4

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-222-235

Скептическая проблема – псевдопроблема

Открытая лекция: Существует ли внешний мир?

Часть II. Скептический сценарий бессмыслен *

И. Е. Прись

*Институт философии НАН Беларуси
Минск, Беларусь*

Аннотация

Объединённый витгенштейновско-дисджанктивистский подход Притчарда не является исключительно терапевтическим и делает значительный прогресс в понимании скептической проблемы. Однако в его рамках природа петлевых предложений раскрывается не полностью. Наша трактовка петлевых предложений как укоренённых в реальности витгенштейновских правил позволяет усилить подход Притчарда. В конечном итоге мы утверждаем, что для устранения скептической проблемы в дисджанктивизме нет нужды вовсе. Скептический сценарий бессмыслен, потому что всякое понимание предполагает употребление концептов, которые, в свою очередь, имеют смысл лишь в том случае, если они укоренены в реальности. Наша точка зрения согласуется с контекстуальным реализмом Жослена Бенуа, а также с позицией Роберта Брэндона, согласно которой рационалисты и редуктивисты материалисты разделяют общую ложную семантическую предпосылку о возможности чёткого разделения и независимой трактовки семантики и эпистемологии.

Ключевые слова

скептицизм, петлевые предложения, эпистемологический дисджанктивизм, байскопический подход, сначала-знание эпистемология, контекстуальный реализм

Благодарности

Я благодарен директору Института философии и права НГУ профессору Владимиру Серафимовичу Диеву, а также заведующему кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки Никите Владимировичу Головкину и, конечно, руководству университета и Программе 5-100 НГУ за приглашение, за предоставленную возможность поработать вместе с вами здесь в Сибири, в Новосибирском государственном университете.

* Открытая лекция «Существует ли внешний мир? О некоторых новых подходах к проблеме картезианского скептицизма» была прочитана в Новосибирском государственном университете 11 декабря 2019 года в рамках Программы приглашения иностранных специалистов по Проекту 5-100. Это вторая часть лекции, первая часть опубликована в: Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 180–194.

Для цитирования

Прись И. Е. Скептическая проблема – псевдопроблема. Открытая лекция: Существует ли внешний мир? Часть II. Скептический сценарий бессмыслен // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 222–235. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-222-235

The Sceptical Problem Is a Pseudo-Problem Open Lecture: Does the External World Exist? Part II. The Sceptical Scenario Is Meaningless *

I. E. Pris

*Institute of Philosophy of NAS of Belarus
Minsk, Belarus*

Abstract

Duncan Pritchard's hinge-disjunctivist approach is not purely therapeutic, it represents a significant step forward. But, within it, the nature of the hinge propositions themselves is not fully disclosed. We interpret the hinge propositions as reality-rooted Wittgenstein rules. This allows us to strengthen the joint interpretation of the sceptical paradox. Finally, we express our doubts about the need for a disjunctivist component to solve/dissolve the sceptical problem. A sceptical scenario is meaningless, because any understanding involves the use of concepts, which, in turn, make sense only if they are rooted in reality. Our point of view is consistent with Jocelyn Benoist's contextual realism, as well as with Robert Brandom's position, according to which rationalists and materialistic reductionists share a common false semantic premise about the possibility of a clear separation and independent treatment of semantics and epistemology.

Keywords

scepticism, hinge propositions, epistemological disjunctivism, biscopical approach, knowledge first epistemology, contextual realism

Acknowledgements

I would like to thank Professor⁶ Dr. Vladimir Serafimovich Diev, the Director of the Institute for the Philosophy and Law of NSU, and Dr. Nikita Vladimirovich Golovko, the Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science, as well as the university officials of the Project 5-100 initiative, for the invitation and the opportunity to work together here in Siberia, at Novosibirsk State University.

For citation

Pris I. E. The Sceptical Problem Is a Pseudo-Problem. Open Lecture: Does the External World Exist? Part II. The Sceptical Scenario Is Meaningless. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 2, p. 222–235. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-222-235

* The open lecture “Does the external world exist? (On some new approaches to the problem of Cartesian scepticism)” was held at Novosibirsk State University on December 11, 2019 under the Program of Foreign Specialists Invitation under the Project 5-100 initiative. This is the second part of the lecture. The first part of the lecture was published in: *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 180–194.

Введение

В первой части лекции мы показали, что теоретические подходы к проблеме скептицизма являются неудовлетворительными, поскольку они основываются на ложных метафизических предпосылках, для устранения которых требуется применить терапевтический метод Витгенштейна. Во второй части лекции мы продолжим рассмотрение витгенштейновско-дисджанктивистского подхода Притчарда. Мы покажем, что для решения скептической проблемы в дисджанктивистской компоненте подхода нет нужды. На самом деле эпистемологический дисджанктивизм не объясняет перцептивное знание, а представляет собой его рациональную реконструкцию. Проблема скептицизма – псевдопроблема, устраняемая в рамках витгенштейновского по духу контекстуального реализма, принимающего во внимание тесную связь между семантикой, эпистемологией и онтологией, а скептический сценарий, строго говоря, бессмыслен. Мы подтвердим наш вывод ссылками на современных аналитических и континентальных философов.

Дискриминационные и благоприятствующие рациональные основания

Итак, если занять позицию антискептика, то первая форма скептического парадокса утверждает наличие рационального отрицания скептической гипотезы (но каким образом это возможно, если мозг-в-баке имеет ту же видимость, те же мысли и доступные рефлексии рациональные основания, что и нормальный субъект?), а вторая форма парадокса утверждает наличие обыденного знания, несмотря на отсутствие дискриминационных или так называемых «благоприятствующих» рациональных оснований в пользу обыденного сценария по сравнению со скептическим. В самом деле, в обыденном сценарии дело обстоит иначе. Например, хотя в зоопарке мы не можем по внешнему виду (при помощи зрительного восприятия) отличить зебру от подделанного под зебру мула, у нас, тем не менее, есть благоприятствующие (но не дискриминационные) рациональные основания вида: «Нет смысла подделывать мула под зебру», «Подделка дорого бы стоила и могла бы быть легко обнаружена». И так далее. Благодаря этим основаниям мы знаем, что перед нами зебра, а не подделанный под зебру мул.

Описанная ситуация есть ситуация локального скептицизма, в которой под сомнение ставится лишь ограниченное число утверждений, которые обычно считаются знанием. Основные (и общие для обыденного и скептического сценариев) петлевые предложения, в частности, отрицание скептической гипотезы, утвержде-

ние о существовании зоопарка, нас самих и так далее, сомнению не подвергаются. Указанные выше благоприятствующие основания их предполагают, на них «опираются». Но в случае радикального скептического сценария ПП нет вообще (и, следовательно, нет общих для скептического и нескептического сценариев ПП). Поэтому не имеет смысла выдвигать «благоприятствующие» рациональные основания в пользу нескептического сценария.

Мне только кажется, что передо мною компьютер, или же передо мною на самом деле компьютер? Постановка скептической проблемы такова, что у меня нет благоприятствующих оснований в пользу того, что передо мною на самом деле компьютер. Здесь, согласно Притчарду, вступает в игру эпистемологический дисджанктивизм (ЭД). С точки зрения ЭД, у меня всё же есть одно благоприятствующее основание: доступное рефлексии фактивное основание, что я вижу, что передо мною компьютер. Это основание не дискриминационное, поскольку мозг-в-баке тоже будет думать, что у него есть это основание. В терминологии Уильямсона это та форма скептицизма, которая основана на понятии очевидности. Скептик слишком сильно ограничивает то, что можно отнести к очевидности. Для него в плохом случае, то есть для мозга-в-баке, и в хорошем случае очевидность одна и та же. Это интерналистский подход. На самом деле, очевидность мозга-в-баке значительно более бедная, так как у мозга-в-баке знание об окружающем мире отсутствует.

Две ложные теоретические предпосылки

Притчард показывает, что два вида скептического парадокса основаны на двух ложных теоретических предпосылках. Он их устраняет, сохраняя при этом принцип замкнутости знания и принцип недоопределённости рационального обоснования.

(1) Первый вид парадокса основан на *тезисе об универсальности эпистемической рациональной оценки*, утверждающем, что нет предела для степени рациональной оценки наших мнений. В частности, допускается возможность глобальной рациональной оценки. Применение принципа замкнутости в рамках скептического парадокса как раз это и подразумевает, поскольку оно представляет собой переход от локального рационального утверждения к глобальному. Но согласно витгенштейновскому анализу структуры рациональной оценки, всякая рациональная оценка локальна и по самой своей природе предполагает нерациональное принятие некоторых (нерациональных) ПП. Неограниченное расширение области применения принципа замкнутости знания (когда ставятся под сомнение или обосновываются сами ПП) нелегитимно.

(2) Второй вид парадокса основан на *тезисе об ограниченности рациональных оснований* (insularity of reasons) ¹. Тезис утверждает, что даже наилучшие рациональные основания, которые мы имеем в пользу наших обыденных мнений, могут быть ложными, т. е. мы можем радикально ошибаться. (Этот тезис тесно связан с интуицией о новом декартовском демоне.) Парадокс предполагает, что в обоих сценариях, скептическом и нескептическом, рациональные основания субъекта одни и те же². Утверждение об ограниченности (insularity) рациональных оснований является именно неверным (интерналистским) тезисом, а не утверждением здравого смысла. Оно отвергается эпистемологическим дисджанктивизмом (ЭД).

Поскольку первый парадокс предполагает тезис о возможности глобальной (неограниченной) рациональной эпистемической оценки, а второй – наоборот, тезис об ограниченности наших рациональных оснований, то устранение первой формы парадокса автоматически не устраняет более слабую вторую форму. На первый взгляд, мы имеем две разные скептические проблемы.

Устранение скептического парадокса в рамках байскопического подхода Притчарда

Аннализа Колива справедливо называет подход Притчарда «странные интимные партнёры» (strange bedfellows). В самом деле, этот подход синтезирует теоретический ЭД и терапевтическую петлевую эпистемологию. Притчард, однако, утверждает, что он позволяет устранить недостатки ЭД и петлевого подхода, в то же время сохраняя их достоинства. ЭД и петлевая эпистемология, якобы, усиливают и поддерживают друг друга.

I. *Устранение скептического парадокса, основанного на принципе замкнутости знания*: Для Притчарда петлевые предложения/обязательства, будучи эксплицированы в виде предложений, – особые (не имеющие истинностных условий) пропозициональные установки, которые не могут быть рациональными мнениями. Поскольку они не удовлетворяют первому условию знания, к ним неприменим принцип замкнутости знания. В частности, для Витгенштейна в понимании Притчарда отрицание скептической гипотезы есть ПП, а не рациональное мнение/знание, или знание *per se*. Поэтому принцип замкнутости знания, хотя он и

¹ Шёнбаумсфелд говорит о «тезисе тождественности рациональных оснований» (в нормальном и скептическом сценариях).

² Для Уильямсона, например, это не так: очевидность, а, следовательно, и рациональные основания, разные, поскольку в обыденном сценарии у нас есть знание, а в скептическом нет. С точки зрения ЭД в обыденном сценарии у нас есть фактивные (*factive*) основания.

является с точки зрения Притчарда универсальным принципом, к нему неприменим.

II. Устранение скептического парадокса, основанного на принципе недоопределённости рациональных оснований осуществляется, как было объяснено выше, при помощи ЭД.

Критика I и II

I. Первый вид парадокса

Одна из проблем заключается в том, что для Притчарда ПП – это пропозициональная установка. Если, например, пропозицию, что Земля существовала задолго до моего рождения, можно логически вывести из знания, что Бородинское сражение состоялось в 1812 г., то почему нельзя сформировать соответствующее убеждение и знать, что Земля существует уже давно? На наш взгляд, лучше говорить не о логическом выводе пропозиции (которая, согласно Притчарду, ни истинна, ни ложна), а об экспликации правила. Эксплицированное правило правилом и остаётся. По определению оно не имеет истинностных условий, но его можно сформулировать в виде пропозиции. Собственно о логическом выводе можно говорить лишь в рамках одной и той же системы правил, формы жизни. Принцип замкнутости знания тоже применим лишь в рамках формы жизни, а не к её грамматике. Иными словами, он может быть применён только для обыденных эмпирических предложений на обеих сторонах логического вывода, или во всяком случае не для петлевых предложений, а для предложений, которые познаваемы и, соответственно, могут быть мнениями.

В то же время с точки зрения контекстуального реализма ПП вида «Это рука», «У меня две руки», «Земля существовала задолго до моего рождения» суть правила, укоренённые в реальности. Это означает, что существуют истинные парадигматические их применения. Существуют также контексты, в которых они являются ложными эмпирическими предложениями (всё же такие контексты являются исключительными). Поэтому можно сказать, что мы действительно знаем, что у нас две руки, что Земля существовала задолго до нашего рождения и так далее. Наши правила (нормы, концепты, теории) «соответствуют» реальности. Но это не «внешняя реальность». Подобным же образом, все те обыденные вещи, о которых у меня есть эмпирическое знание, принадлежат некоторой форме жизни, а не «внешней реальности».

II. Второй вид парадокса.

Выше мы уже указывали на то, что эпистемология Витгенштейна позволяет разрешить (устранить) оба вида скептического парадокса. В самом деле, само по-

нятие петлевого предложения (ПП), понятое в рамках контекстуального реализма как укоренённое в практике и реальности правило / норма наших нормативных эпистемических практик и форм жизни, позволяет с ходу отвергнуть ложную теоретическую предпосылку скептического парадокса второго вида. В обыденном (нескептическом) сценарии существуют ПП, которых нет в скептическом сценарии. Поэтому структура рациональности в двух сценариях будет различной. Чтобы это утверждать, нет необходимости прибегать к помощи ЭД. Поскольку ПП могут быть сделаны эксплицитными, я могу иметь рациональное знание (знание, что я знаю), что передо мною компьютер, что у меня две руки и так далее. Знание в обыденном сценарии основано на ПП. Это знание предшествует доступным рефлексии фактивным основаниям, о которых говорит ЭД, объясняет последние, а не наоборот. У мозга-в-баке нет ПП (во всяком случае, у него нет тех ПП, которые есть у нас), поэтому у него нет и знания о том, что перед ним компьютер, что у него две руки и так далее.

Петлевое предложение «Я не мозг-в-баке»

Притчард рассматривает отрицание скептической гипотезы как ПП, которая является промежуточной между зависящими от контекста персональными ПП типа «Я говорю по-русски», «Я никогда не был на Луне», «Меня зовут Игорь» и не зависящим от контекста «над-петлевым» (*über-hinge*) предложением, что мы не можем радикально ошибаться в наших убеждениях. Персональные ПП кодируют (каждая по-своему) одно общее, не зависящее от контекста над-ПП, играющее роль общего ядра и представляющее собой отрицание радикальной ошибочности наших мнений. Мы не можем ошибаться во всём. Однако философский скептический сценарий эксплицитно ставит под сомнение «над-петлевую» достоверность. Поэтому отрицание скептической гипотезы является не зависящей от контекста и общей для всех персональных петель петлёй – прямое следствие принятия над-ПП.

На первый взгляд, вместе с Притчардом мы можем утверждать, что «Я не мозг-в-баке» – ПП. Эквивалентным образом, к ПП мы можем отнести предложение о существовании внешнего мира³. В то же время мы подозреваем, что, приписы-

³ На самом деле между ними можно сделать различие. Предположим, что «Внешний мир существует» – ПП (логический, а не субстанциальный тезис). Но если само различие между внешним и внутренним мирами ложно, следует ли нам говорить о внешнем мире, хотя бы даже и в логическом смысле? Можно, например, сказать, что «Вода есть H₂O» – ПП. Но вода действительно есть (объект) H₂O. Предложение о воде осмысленно. «Внешний мир», однако, в концепции форм жизни не объект. Поэтому, на наш взгляд, предложение «Внешний мир существует» следует скорее понимать в смысле категориаль-

вая предельно теоретическим предложениям «Я не мозг-в-баке», «Внешний мир существует» статус ПП, вводя над-ПП, Притчард злоупотребляет витгенштейновским подходом. Вместо этого следует внимательно проанализировать сам концепт реальности и связь между семантикой, эпистемологией и онтологией. В парадигматических случаях наши концепты по самой своей природе, как правило, отсылают к тому, к чему они предназначены отсылать. Не существует никакого трансцендентального ПП, в том числе и над-ПП. Если мы не уверены, что части нашего тела и окружающие нас вещи реальны, то мы просто не владеем концептом реальности.

В конечном итоге разделение на внешний и внутренний миры не имеет смысла в рамках концепции форм жизни. Мы сами часть реальности. Между нашим (не-концептуализированным) перцептивным опытом и реальностью, как утверждает Бенуа, нет никакой дистанции.

Эпистемологический дисджанктивизм (ЭД) излишен

Рациональность локального знания

Притчард утверждает, что рациональное знание об обыденных вещах, гарантируемое ЭД, облегчает принятие локального характера нашей рациональности, утверждаемого витгенштейновской эпистемологией, то есть усиливает витгенштейновское устранение первого вида парадокса. Мы оспариваем это заключение Притчарда, а также его утверждение, что для решения второго вида парадокса витгенштейновская эпистемология неприменима. На наш взгляд, Притчард понимает витгенштейновскую эпистемологию ограниченно – лишь как утверждение о локальном характере нашей рациональности. Другими словами, он понимает её чисто эпистемологически, не анализируя сам концепт реальности. Притчард считает, что логически могло бы быть и то, и другое: рациональные основания существенно локальны и в то же время они удовлетворяют представлению об ограниченности рациональных оснований (именно поэтому вдобавок к витгенштейновской петлевой эпистемологии ему нужен ЭД). Однако заметим, что, согласно витгенштейновскому контекстуальному реализму, локальны они именно потому, что они

ного утверждения о реальности, то есть как утверждение позиции реализма. Напротив, предложение «Я не мозг-в-баке» есть отрицание предложения «Я мозг-в-баке». Если последнее предложение бессмысленно (а оно бессмысленно, если скептический сценарий, как утверждает Витгенштейн, бессмыслен), подобно тому как бессмысленно предложение «Коты растут на деревьях», то бессмысленно и его отрицание (подобно тому, как бессмысленно предложение «Коты не растут на деревьях» (пример Витгенштейна) – это предложение лишь имеет видимость осмысленности и истинности). Можно ли тогда назвать отрицание бессмысленного предложения – «Я не мозг-в-баке» – ПП?

укоренены в реальности – локальность и означает укоренённость в реальности. Но тогда не может быть верен тезис об ограниченности рациональных оснований, который как раз и отрывает рациональные основания от реальности, интернализирует их. Рациональное основание, оторванное от реальности, оказывается псевдорациональным основанием. Таким образом, локальность рациональных оснований автоматически означает, что структура рациональности и у меня, и у мозга-в-баке различная. ЭД, на наш взгляд, пытается принять сказанное выше на свой теоретический манер, как тезис о существовании доступных рефлексии фактивных рациональных оснований. Притчард также считает, что чтобы утверждать, что наша существенно локальная рациональность (поскольку она всё-таки локальная) является подлинной, *bona fide*, также дополнительно требуется ЭД. Однако псевдорациональные основания, как уже сказано выше, возникают именно из-за их неукоренённости в реальности, о которой мы только что говорили. ЭД излишен.

Неразделимость семантики, эпистемологии и онтологии

В парадигматических случаях зрительного восприятия витгенштейновская эпистемология объясняет знание не хуже ЭД. Например, знание, что это рука (если речь не идёт о ПП), возникает в рамках языковой игры корректного применения концепта «рука», который играет роль, аналогичную роли ПП. Просто утверждать, что «Это рука» – ПП, хотя и позволяет устранить проблему эпистемического фундамента, оставляет нерешённым вопрос о том, действительно ли рука как реальный объект существует. В рамках языковой игры применения концепта «рука», при нормальных условиях семантика, эпистемология и онтология не отделимы друг от друга. Как пишет Витгенштейн в *О достоверности*: «Рискни я усомниться, что это моя рука, – как бы я умудрился побороть сомнение в том, что слово “рука” вообще имеет какое-то значение? Так что это я, видимо, все-таки *знаю*» (§ 369). Рациональность локального знания не просто совместима с принципиальным отсутствием глобальной эпистемической оценки, но и на самом деле предполагает его. Глобальная рациональная оценка означала бы отсутствие какой-либо укоренённости мнений в реальности, т. е. отсутствие какого-либо знания или даже содержательных мнений. Для борьбы с радикальным скептицизмом нам не требуется помощь фактивных оснований, не требуется специфический тезис, каковым является ЭД.

Эпистемологический дисджанктивизм (ЭД) как рациональная реконструкция

Мы полагаем, что правильный ход рассуждений здесь следующий: я вижу, что p , и, следовательно, знаю, что p (перцептивный опыт, что p , – способ знать, что p). Я также знаю, что я знаю, что p , так как в парадигматическом случае у меня есть рефлексивный доступ к моему знанию, что p . То есть я знаю, что я знаю, что p , посредством зрительного восприятия: я знаю, что я вижу, что p . Таким образом, для определенных ситуаций сначала знание, что p , и лишь затем знание, что я вижу, что p . ЭД утверждает обратное: сначала знание, что я вижу, что p , то есть рефлексивный доступ к фактивному основанию «Я вижу, что p » для моего мнения, что p , и лишь затем знание, что p , как истинное фактивно обоснованное мнение, что p . Таким образом, ЭД переставляет местами причину и следствие, рационализирует, реконструирует то, что происходит в действительности.

На самом деле, в парадигматических случаях перцептивного знания мы не выводим рефлексивно-логически наше знание, что p , из нашего зрительного опыта, что p . Мы знаем, что p , непосредственно в самом опыте. Мы согласны с Уильямсоном, что наше перцептивное знание не базируется на рациональных основаниях. Для нас, как и для Уильямсона (и мы полагаем, что об этом также говорит Витгенштейна), видеть, что p , является одним из способов знать, что p . Мы также согласны с Клейтоном Литлджоном, что большая часть нашего перцептивного знания может рассматриваться как результат действия наших идентификационных способностей при подходящих условиях.

Притчард говорит, что фактивное основание «я вижу, что p » (то есть знание, что я вижу, что p), – эмпирическое рациональное основание, которое приобретается перцептивным путём (это позволяет, согласно ему, решить кажущуюся проблему априорного (рефлексивного) доступа к эмпирическому факту). Но почему нельзя сказать, что эмпирическим путём сразу же приобретается знание, что p ?

Позиция Бенуа: ни дисджанктивизм, ни конъюнктивизм

Согласно терапевтической точке зрения Бенуа, дисджанктивизм и конъюнктивизм содержат общие ложные метафизические предпосылки. Обе эти позиции – эпистемологические. Перцепция, однако, относится к порядку бытия, а не к порядку познания. непонимание этого имеет негативные эпистемологические последствия. Например, в общем случае нельзя сказать, что галлюцинация вводит в заблуждение. Правильнее сказать, что это патологический случай перцепции. В известном смысле конъюнктивизм утверждает конъюнкцию отрицаний двух составляющих дисджанктивизма. Бенуа предлагает следующую альтернативу схоластическому теоретизированию: «ни дисджанктивизм, ни конъюнктивизм». Он предлагает скорректировать дизъюнкцию, принимая во внимание, что в обыденном языке нет места для «или ... или ...». Следует говорить не: $p \vee q$, а просто – p .

На наш взгляд, эта позиция совместима со СЗЭ Уильямсона. Для Уильямсона два дисджанктивистских опыта, p и q , не равноправны. Зрительная иллюзия (перцепция-видимость), – быть может, соответствующая реальности, но, в то же время, не находящаяся в подходящей причинной связи с нею, – подразумевающая формирование соответствующего суждения и мнения, есть отклонение от знания – подлинного концептуализированного опыта (опыта, что p , который есть способ знать, что p). Это отклонение обусловлено нарушением когнитивного процесса. Поэтому нельзя сказать: $p \vee q$, но можно сказать – p , допуская при этом, что суждение может оказаться ложным или необоснованным.

Против релятивизма и непреодолимых разногласий

Может возникнуть скептическое беспокойство по поводу необоснованности самих петлевых предложений (ПП), а также их произвольности, радикальной несоизмеримости. Как пишет Витгенштейн в *О достоверности*: «где действительно сталкиваются два непримиримых принципа, там каждый объявит другого глупцом и еретиком» (§ 611). Если предположить, что радикально отличные эпистемические системы, то есть системы, основанные на радикально отличных ПП, несоизмеримы, то возникает релятивизм относительно эпистемического обоснования и знания.

В то же время можно утверждать, что, согласно Витгенштейну и Дэвидсону, наши ПП, формы жизни, концептуальные схемы не могут различаться настолько радикально, чтобы разрешение разногласий не было возможно в принципе. В противном случае мы бы просто не поняли друг друга. Притчард оспаривает радикальную несоизмеримость ПП при помощи понятия над-ПП, существование которых есть условие рациональности, осмысленности. Поскольку все ПП – различные выражения общего над-ПП – висцеральной арациональной достоверности, что мы радикально и фундаментально не ошибаемся в наших мнениях, все они имеют несколько отличные содержания, т.е. не могут по-настоящему противоречить друг другу. Согласно Витгенштейну, наши ПП поддерживаются всем зданием мнений, которые их предполагают. Следовательно, изменяя постепенно эти мнения, мы можем в конечном итоге изменить и сами ПП. Витгенштейновская метафора реки и её русла, согласно которой ПП могут менять свой статус и эволюционировать, указывает на это решение. По большому счёту мы все в одной реке. Рациональное разрешение наших разногласий в принципе возможно.

Миф о семантической чистоте

Роберт Брэндом указывает на общую и для рационалистов эпохи просвещения (например, для Канта), и для редуктивных материалистов (например, для нигилистов) неверную наивную семантическую предпосылку, которая состоит в чётком разделении и независимой трактовке семантики и эпистемологии. Эту предпосылку он называет «мифом о семантической чистоте». Рационалисты полагают, что содержание концептов может быть понято до их действительного применения. Редукционисты полагают, что имеющие пропозициональное содержание мнения могут быть поняты без принятия во внимание концептуальной нормативности. На самом деле, отсутствие подлинной концептуальной составляющей у наших «мнений» не позволило бы нам даже сказать, что вещи тем или иным образом нам кажутся. Аналогичным образом, для Дональда Дэвидсона мы не формируем сначала концепты, а затем открываем, каким образом они применяются; в базовых случаях применение определяет содержание концепта. Базовые применения, о которых говорит Дэвидсон, – витгенштейновские примитивные языковые игры. Для Дэвидсона содержательные мнения (убеждения, верования) имеют свои реальные условия. По этой причине он считает, что не может быть так, чтобы большинство наших обыденных мнений о том, что существует в мире, были бы ложными («в природе мнения заключено предположение об [тенденция к] истинности»). Скептик ложно предполагает, что мнения могут быть массивно ложными и в то же время содержательными. Поэтому скептическая проблема – это псевдопроблема.

Лишь в употреблении языка, когда мы делаем суждения и формируем мнения, и, следовательно, несём ответственность за их содержание, выражающее состояние вещей, они приобретают смысл. Употребляя язык, мы одновременно придаём ему смысл, одновременно применяем и изменяем концептуальные нормы. Применительно к скептической проблеме сказанное выше означает, что мозг-в-баке (вследствие отсутствия какого-либо контакта с внешней средой) не мог бы мыслить и, в частности, он не мог бы сформировать суждение, что он мозг-в-баке, или суждение, что он не мозг-в-баке. Как заметил Витгенштейн в *О достоверности*: «Аргумент “быть может, я вижу сон” бессмыслен, потому что тогда мне снилось бы и это высказывание, а также и то, что эти слова имеют смысл» (§ 383). Аналогичным образом, Бенуа критикует семантический идеализм аналитической философии второй половины XX века. Согласно ему, современный идеализм – прежде всего идеализм смысла, то есть утверждение абсолютной самостоятельности смысла, а реализм в том, чтобы всегда привязывать смысл к своим действительным условиям. С другой стороны, он также критикует и феноменологию XX века, абсолютизирующую видимость, понятие феномена, принимающую феномены за самоочевидные автономные данные, лишаящие их нормативного (концептуального)

измерения. Такая феноменология есть физика видимости, перевёрнутый платонизм, а не подлинная феноменология. Современный французский феноменолог Клод Романо корректирует и расширяет традиционную феноменологию, делает её реалистской. Он приводит прагматико-феноменологический аргумент против скептицизма, согласно которому понимание требует наличия базовых способностей, предполагающих существование мира, телесную и практическую принадлежность ему.

Вернёмся к байскопическому подходу. Тезис о возможности глобальной рациональной оценки наших мнений соответствует рационалистическому полюсу семантически наивной предпосылки, а тезис о замкнутости рациональных оснований – её материалистическому полюсу. Нам представляется, что две формы скептического парадокса имеют общую семантическую предпосылку, которая проявляет себя дуально. То есть два ложных тезиса, которые выделяет Притчард и которые приводят к двум формам скептицизма, сами основаны на ещё более глубокой семантической предпосылке. Мы не нуждаемся в дисджанктивизме, чтобы устранить скептический парадокс.

Заключение

Современная эпистемология унаследовала свои проблемы от традиционной эпистемологии модерна, которая во второй половине XX века выродилась в эпистемологию постмодерна. Предпосылкой эпистемологии модерна является дуализм субъекта и объекта познания (деление на внешний и внутренний миры) и, соответственно, репрезентационализм (Декарт, Кант). Представление как бы играет роль вуали между субъектом и объектом – внешней реальностью. В результате возникает проблема доступа субъекта к реальности, а также скептические сомнения о том, что по ту сторону наших представлений вообще что-то есть. Постмодернизм отождествил реальность с её представлением и тем самым по сути отверг понятия реальности, истины и знания в пользу релятивизма и конструктивизма.

В рамках философии модерна эпистемология первична, а онтология вторична. Принимается лишь эпистемический реализм, который отождествляется с тезисом объективности истины. Если мы хотим решить проблемы традиционной эпистемологии, требуется избавиться от её ложных метафизических предпосылок, что невозможно в отрыве от исследования принимаемой концепции реальности. На наш взгляд, правильная философская позиция – витгенштейновский по духу контекстуальный реализм Жослена Бенуа, преодолевающий не только идеализм и, в частности, семантический идеализм, но и так называемые «новые реализмы», содержащие в себе много идеализма.

Различные виды дисджанктивизма и, в частности, эпистемологический дисджанктивизм, рассмотренный нами байскопический подход, предлагаемые некоторыми авторами различные варианты синтеза СЗЭ и более традиционных подходов (например, релейабиллизма, эпистемологии добродетелей), – промежуточные позиции, подобные старой квантовой механике начала прошлого века, которая частично употребляла язык классической физики для описания новых квантовых явлений. Другое дело сначала-знание эпистемология Уильямсона – альтернатива стандартной эпистемологии. В плане метафизическом, как нам представляется, она совместима с витгенштейновским неметафизическим реализмом Бенуа, который есть движение в направлении устранения разрывов между континентальной и аналитической философиями и в них самих. В этом есть необходимость, так как и та, и другая, и, в частности, аналитическая эпистемология, на наш взгляд, содержат в себе «разрывы», которые, подобно проблеме объяснения в философии сознания, не могут быть устранены ни чисто аналитическими средствами, ни чисто феноменологическими. На самом деле, это проблема идеалистических, антиреалистических способов мышления, которым подвержены не только основные философские направления XX века, но «новые реализмы» XXI века. Нам нужна подлинно реалистическая позиция. Что касается вопроса о внешнем мире, то, как сказал Жослен Бенуа в 2016 г. в своей боннской лекции «Реализм и метафизика»: «Нет никакого “большого внешнего мира”, поскольку мы всегда уже находимся во внешнем мире (где же ещё?). Мышление [и, добавим от себя, познание] есть постоянное усилие этот внешний мир измерить».

Материал поступил в редколлегию

Received

19.02.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Прись Игорь Евгеньевич

доктор философии, Парижский университет (Париж, Франция)
кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси (Минск, Беларусь)

Igor E. Pris

PhD in Philosophy (U de Paris-Sorbonne, Paris, France)
Candidate of Sciences (Physics), leading researcher, Institute of Philosophy of NAS of Belarus (Minsk, Belarus)

frigpr@gmail.com